

В этот момент перед глазами Юй Чанцина всё поплыло, а затем его губ коснулось что-то тёплое и мягкое. От неожиданности его дыхание и сердцебиение остановились на мгновение, а затем мощная волна дрожи, подобная урагану, захлестнула его тело и сознание. В ушах зазвучал гул, всё вокруг исчезло, остались лишь нежные прикосновения губ и странное волнение в груди, которое потрясло его до глубины души. Он никогда раньше не испытывал ничего подобного.

После короткой паузы дыхание Юй Чанцина стало прерывистым и тяжёлым. Он резко схватил человека, который попытался отстраниться, прижал его к себе, одной рукой крепко удерживая за спину, а другой — за затылок. В нём вспыхнуло жадное, необъяснимое желание углубить этот момент, насытиться им. Он даже не знал, чего именно хочет — быть может, поглотить этого человека целиком.

Ван Дачжуан сам не понял, как оказался в такой ситуации. Когда его неотразимый Сяньцзюнь с этим совершенным, неподвластным времени лицом приблизился слишком близко, он был ослеплён его красотой и потерял всякое сопротивление. И вот, ведомый внезапным порывом, он осмелился поцеловать те губы, которые были так близко и выглядели такими мягкими и привлекательными. Это должен был быть лёгкий, нежный поцелуй, но Сяньцзюнь внезапно словно обезумел, схватил его и начал целовать с неистовой страстью, даже без всякого опыта сумел проникнуть в его рот, словно пытаясь отнять у него весь воздух.

Ван Дачжуан задохнулся. Растерянно открыв рот, он не смог ни вдохнуть, ни вырваться. Оставалось только крепко сжимать руками тонкую, но сильную талию Сяньцзюня, ощущая, как душа вот-вот вылетит из тела.

К счастью, прежде чем его дух окончательно покинул брентную оболочку, Юй Чанцин наконец отпустил его. Но теперь он смотрел на него взглядом, наполненным хищным блеском, словно голодный зверь, готовый растерзать свою добычу. Однако Ван Дачжуану было не до страха. Перед его глазами всё плыло, ноги подкашивались, и он с грохотом опустился на стул позади себя, оперевшись рукой на стол, чтобы не упасть. Он тяжело дышал, его губы налились алым, а взгляд стал затуманенным, как у человека, напившегося до беспамятства.

Юй Чанцин тоже был не в лучшем состоянии. Он медленно сел рядом, его дыхание всё ещё было сбивчивым, а тёмные глаза не отрывались от Ван Дачжуана. Внезапно он схватил руку Ван Дачжуана, которая беспомощно лежала на коленях, и крепко сжал её, не переставая поглаживать пальцами.

Эта рука не была изящной или нежной. Длинные пальцы, чуть широкие в суставах, хранили следы долгих лет тяжёлого труда. Но после нескольких лет жизни на пике Цинъюй она уже не была столь грубой, как прежде. Юй Чанцин держал её в своей ладони, разглядывал, гладил — и вдруг осознал, что никогда в жизни не видел руки прекраснее. Он не хотел выпускать её из своих пальцев.

Что-то в нём будто переключилось. Теперь он не мог смотреть на Ван Дачжуана так же, как раньше. Всё в этом человеке — каждый жест, каждая черта, каждый изгиб тела — казалось ему невероятно привлекательным. Даже его шея, белая и гладкая, манила его так, что Юй

Чанцин впервые в жизни ощутил почти звериное желание... Но он должен был сдержаться. Он не хотел напугать его.

Долгое время они молчали. Настолько долго, что их дыхание уже давно выровнялось, а румянец на лице Юй Чанцина то появлялся, то исчезал несколько раз. Сердце Ван Дачжуана, которое стучало как барабан, наконец успокоилось. В тихой комнате наконец раздался голос Юй Чанцина, уже не такой ясный, а слегка хриловатый:

— Завтра я сообщу старшему брату. После возвращения в секту выберем благоприятный день для нашего союза. Жаль только, что учитель в затворничестве и не сможет присутствовать на церемонии.

Грудь Ван Дачжуана, только что успокоившаяся, снова заколотилась, а лицо покраснело. Он пробормотал:

— Тогда... Тогда, может быть, подождём, пока учитель выйдет из затворничества? Тогда и проведём... церемонию...

Юй Чанцин крепче сжал его руку — настолько сильно, что Ван Дачжуан даже почувствовал лёгкую боль. Но он не отдёрнул её. Напротив, ему нравилось это ощущение, будто он был чем-то ценным, важным.

— Учитель ушёл в затворничество, чтобы достичь Великого Совершенства. Он уже не появлялся пятьдесят три года. Кто знает, сколько ещё пройдёт лет, прежде чем он выйдет?

Ван Дачжуан растерянно замер.

— Тогда... пусть будет так, как решит глава секты, — пробормотал он.

Юй Чанцин тихо хмыкнул и продолжил играть с рукой Ван Дачжуана, словно это было какое-то редкое сокровище, которое он не хотел отпускать ни на мгновение.

Ван Дачжуан вдруг вспомнил, как вчера те жёлтокожие говорили что-то о "нежелании отпускать" и "навыках", и его лицо снова покраснело.

Он попытался высвободить руку, но не только не смог, но ещё и получил недовольный взгляд от Сяньцзюня.

Но сейчас его Сяньцзюнь смотрел на него, и в его глазах была глубина, как в осеннем озере. В этом взгляде не было ни угрозы, ни строгого осуждения — напротив, он вызывал у Ван Дачжуана слабость в коленях и туман в голове.

Ван Дачжуан, совершенно ошеломлённый: «Ладно, держи, посмотрим, сможешь ли ты сегодня сделать из этой руки цветок...»

Он смотрел на опущенные ресницы Сяньцзюня и его губы, покрасневшие от недавней страсти, и ему очень, очень хотелось броситься на него, прижать к полу и оставить следы на всех видимых и невидимых частях его тела.

Нет, он должен сдерживаться, чтобы не напугать Сяньцзюня.

Они сидели друг напротив друга в комнате, каждый сдерживая свои внутренние желания, и тишина снова воцарилась в воздухе.

Прошло еще некоторое время, прежде чем Ван Дачжуан, глядя на Сяньцзюня, который всё ещё сосредоточенно играл с его рукой, наконец осознал: теперь у него будет спутник жизни. Этот прекрасный, словно сошедший с небес Сяньцзюнь станет его партнёром...

Нет, его сердце, только что успокоившееся, снова начало бешено колотиться. Он украдкой поглядывал на Сяньцзюня и думал, что отныне он сможет смотреть на него сколько угодно и даже трогать его! Кусать... наверное, тоже можно, но нужно быть осторожным, чтобы не причинить боли... Ох, нет... он снова не может нормально дышать...

Вспомнив, как он только что обнимал талию Сяньцзюня и кусал его...

Всё, он, кажется, заболел. Сердце бьётся как-то странно...

Ох, как же мило смотрится Сяньцзюнь, когда так сосредоточенно играет с его рукой!

Аааа! Хочется кричать от восторга!

Ван Дачжуан, внутри которого бушевали эмоции, изо всех сил старался успокоиться и повторял про себя мантру, чтобы обрести душевное равновесие.

Он постоянно напоминал себе, что нельзя показывать свою животную натуру. Сяньцзюнь уже успокоился, и он тоже не должен позориться. Сяньцзюнь — человек, подобный божеству, чистейший снег на вершине ледяной горы. Он, конечно, не такой, как он, с его грязными мыслями. Скоро Сяньцзюнь станет его партнёром, и у них впереди долгая жизнь. Не нужно вести себя как похабный развратник перед ним...

Юй Чанцин, "чистейший снег на вершине ледяной горы", опустил глаза и смотрел на руку в своей ладони, повторяя про себя: «Эта рука прекрасна, но кусать её нельзя... Не поднимай голову... Не бросайся на него... У Дачжуана чистое сердце, нельзя его пугать... Если он убежит, всё пропадёт...»

<http://bllate.org/book/12569/1117976>